Ганс Христиан Андерсен

В день кончины

Самый торжественный, великий день в жизни человека — день его кончины, священный день великого перерождения. А думали ли вы когда-нибудь серьезно, как следует, об этом важнейшем, неминуемом, последнем дне нашей жизни? Жил на земле строго верующий человек, «борец за букву закона», как его называли, ревностный слуга сурового Бога. И вот Смерть приблизилась к его одру; он узрел перед собою строгие небесные черты ангела Смерти.

— Час твой настал, следуй за мною! — сказал ангел, коснулся холодною, как лед, рукою ног человека — ноги окоченели; затем коснулся его чела и, наконец, сердца — оно перестало биться, и душа умершего последовала за ангелом Смерти.

Но в те несколько секунд, что протекли, пока смертный холод поднимался от ног к сердцу умирающего, перед взором его, словно огромные волны морские, пронеслось все пережитое и перечувствованное им во время земной его жизни. Так измеряет человек одним взглядом бездонную головокружительную глубину, обнимает одним молниеносным движением мысли неизмеримый, бесконечный путь, охватывает одним взглядом всю совокупность бесчисленных звездных миров, светил и планет, разбросанных в мировом пространстве.

В такие минуты грешника объемлет непобедимый трепет, ему не на что опереться, он как будто падает стремглав в какую-то бесконечную пустоту. Праведник же спокойно, как дитя, предает дух свой в руки Божий со словами: «Да будет воля твоя!»

Но этот умирающий не обладал душою ребенка; он чувствовал себя мужем. Он и не трепетал, как жалкий грешник, сознавая, что был истинно верующим, крепко держал все заветы, строго выполнял все религиозные обряды; а между тем сколько людей — как он знал — шли широкою дорогой греха, которая ведет прямо в ад! И он сам бы готов был истребить огнем и мечом здесь, на земле, их тела, как были и будут истреблены там их души. Его же путь лежал прямо к небесам; небесное милосердие должно было раскрыть перед ним райские врата, как это обещано всем верующим.

И душа последовала за ангелом Смерти, кинув последний прощальный взор на ложе, где под белым саваном покоилась ее бренная оболочка, чуждое ей теперь олицетворение ее прежнего «я».

И вот они то летели, то шли не то по какому-то обширному покою, не то по лесу, где природа являлась, однако, подстриженною, подтянутою, подвязанною, искусственною, как в старинных французских садах. Тут давался маскарад.

—   Вот тебе жизнь человеческая! — сказал ангел Смерти.

Все фигуры были более или менее замаскированы, так что не те из них, собственно, были благороднейшими или могущественнейшими, которые драпировались в бархат и золото, и не те низшими и ничтожнейшими, которые были одеты в рубища бедняков. Диковинный был маскарад, что и говорить! А всего диковиннее было старание каждого скрыть от других что-то под складками своего платья и в то же время распахнуть платье другого, чтобы открыть то, что прятал он! При удаче из-под платья всегда выставлялась голова какого-нибудь зверя: у того — гримасницы-обезьяны, у этого — гадкого козла, скользкой змеи или полузаснувшей рыбы!

Одним словом, из-под платья каждого человека выглядывал тот зверь, которого он носил в душе. И зверь этот прыгал, метался и порывался вырваться на волю, а человек старался плотно прикрыть его платьем, но другие люди срывали с него платье и кричали:

—   Вот он каков, вот она какова, глядите, люди добрые! Каждый стремился обнажить больное место ближнего.

—   Какой же зверь сидел во мне? — спросила странница-душа, и ангел Смерти указал ей на горделивую фигуру впереди них; голова ее была окружена радужным ореолом, но у самого

сердца виднелись ноги павлина; радужный ореол был не что иное, как хвост его!
Дальше на пути они увидали в ветвях деревьев безобразных птиц; они кричали человечьими голосами: «Странница, помнишь ли ты нас?» То были все дурные земные мысли и дела души; и вот теперь они кричали ей: «Помнишь ли ты нас?»
И душу объял трепет — она узнала по голосу все свои дурные мысли и дела, которые теперь свидетельствовали против нее.
—   Плоть человеческая немощна, природа греховна! — сказала душа. — Но дурные мысли мои не переходили в дела, и мир не видел злых плодов!
И она заторопилась изо всех сил, стараясь скорее уйти от этих гадких черных птиц, но они так и кружились над ней и кричали все громче и громче, словно желая расславить ее на весь мир. Душа неслась, как гонимая лань, но чуть не на каждом шагу спотыкалась об острые камни и ранила себе ноги до крови.
—   Откуда берутся тут эти острые камни? Вся земля усыпана ими, точно сухими листьями!
— А это — твои неосторожные, необдуманные слова, вырывавшиеся у тебя при жизни! Они уязвляли сердца твоих ближних куда глубже, больнее, чем теперь ранят эти камни твои ноги.
—   Этого мне и в голову не приходило! — сказала душа.
—   Не судите и не судимы будете! — прозвучало в воздухе.
—   Все мы грешны! — сказала душа и вновь понеслась по воздуху. — Я строго держался закона и Евангелия, делал все, что должно. Я не таков, как другие!
И вот они очутились у врат рая. Стоявший тут на страже ангел спросил:
—   Кто ты? Скажи мне, какой ты веры, и свидетельствуй о ней делами своими!
— Я строго выполнял все заповеди Божий! Я смирялся перед очами света, ненавидел и преследовал зло и злых, что идут широким путем к вечному осуждению, и готов преследовать их огнем и мечом и теперь, насколько это будет в моей власти.
—   Так ты из последователей Магомета? — спросил ангел.
— Я? Никогда!
—   «Взявшиеся за меч — от меча и погибнут», — говорит Сын Божий; ты не его веры. Может быть, ты сын Израиля, повторяющий за Моисеем: «Око за око, зуб за зуб?» Ты сын Израиля и суровый Бог твой есть только Бог отцов твоих?
— Я христианин!
—   Не узнаю тебя ни по вере, ни по делам твоим! Христос проповедовал прощение, любовь и милосердие!
—   Милосердие! — прозвучало в бесконечном мировом пространстве, врата рая распахнулись, и душа устремилась в небесные чертоги.
Но оттуда струился такой ослепительный, всепроникающий свет, что душа отступила, как перед внезапно блеснувшим в воздухе мечом. Послышались дивные, нежные, за душу хватающие звуки... Описать их не в силах никакой человеческий язык, и душа вся затрепетала, голова ее стала клониться все ниже и ниже, колени подгибались! Небесный свет озарил ее, и она почувствовала, сознала то, чего раньше никогда не чувствовала, не сознавала, — всю тяжесть своих грехов: высокомерия и жестокосердия. Она вся просветлела и воскликнула:
—   Все, что я сделала доброго, сделала я не сама по себе, а потому, что не могла иначе, зло же... исходило от меня самой!
И душа почувствовала, что вся бледнеет под лучами небесного света, бессильно пала на колени и как-то вся съежилась, ушла, спряталась в самое себя. Она чувствовала себя такою подавленною, ничтожною, недостойною войти в царство небесное, а при мысли о строгом правосудии Божием не

смела даже воззвать к его милосердию.
И было ей явлено милосердие там, где она не ждала его.
Божье царство занимает бесконечное пространство, но любовь Божья наполняет его все с несказанною полнотой!
— Священна, блаженна и любима будь ты вовеки, душа человеческая! — прозвучало в воздухе.
И все мы, все задрожим в день нашей земной кончины перед блеском и великолепием небесным, низко опустим голову, смиренно преклоним колени, но вновь воздвигнутые любовью и милосердием Божиим, пойдем путями новыми и, становясь все лучше, чище и светлее, совершенствуясь все больше и больше, приблизимся наконец к небесному чертогу, и Он сам введет нас в светлую обитель вечного блаженства!